

РЕЦЕНЗІЇ

УДК 821.111-1.09 “1900/1920”

АЛЕКСАНДР ГЛОТОВ, профессор
Национальный университет «Острожская академия»

В ПОИСКАХ СВОЕГО ЯЗЫКА

Рецензія на монографію Є.С. Чернокової «Англійська лірика 1900 – 1920-х років і становлення модернізму» (Харків, 2013).

Ключові слова: георгіанці, «окопні поети», Едвард Томас, Д.Г. Лоренс, Т.С. Еліот, Е. Павнд, жанр, модернізм, експресіонізм, імагізм.

The review of Y.S. Chernokova's study "The English Lyrics of 1900 – 1920s and Formation of Modernism".

Key Words: Georgians, war poets, Edward Thomas, D.H. Lawrence, T.S. Eliot, E. Pound, genre, Modernism, Expressionism, Imagism.

Существует очевидная, казалось бы, предпосылка о том, что наука, любая наука, по своей сути – интернациональна. Ведь действительно: не может же быть английской физики или испанской химии. Исследователь в определённом смысле является космополитом, гражданином планеты Земля. Сугубо национальную окраску, да и то – со значительными ограничениями, может иметь, пожалуй, только юриспруденция, поскольку опирается в своей прикладной части на национальное законодательство, выросшее в свою очередь из преимущественно национальных традиций и обычаев, актуальных потребностей именно этого государства и тому подобного. Все же прочие науки, условно говоря, «гражданства», национального флёра не имеют и иметь не должны. Так ли это, сохраняют ли этот всемирный нейтралитет современные исследователи в сфере, скажем, гуманитарных наук?

Историк литературы находится, с одной стороны, в поле притяжения определенной литературоведческой школы, которая чаще всего имеет именно наднациональный характер. Причем этот историк литературы, как правило, осуществляет выбор своих научно-методических предпочтений неосознанно, латентно, в силу тех или иных чисто индивидуальных обстоятельств. Ну по крайней мере случаи перехода из одной методологической конфессии в другую в литературоведении достаточно редки. Если не считать, конечно, массового отречения от марксистско-ленинской методологии, происшедшего в конце XX века. Этот прецедент отнесём к разряду стихийных бедствий.

Но с другой стороны невозможно отрицать тот факт, что становление методологического сознания исследователя литературы происходит под воздействием прежде всего отечественных, национальных авторитетов этой науки, которые в процессе анализа избирают опять таки преимущественно образцы отечественной литературы, пусть даже малоизвестные широкому интернациональному кругу читателей. И никуда от этого не деться.

Разумеется, когда мы говорим о монографии Евгении Черноковой «Английская лирика 1900-1920-х годов и становление модернизма», то мы помним, что речь в данном случае идет об историке **зарубежной литературы**. В этой отрасли истории литературы всё немного не по стандартным правилам. Будущий исследователь обычно получает высшее образование на факультете иностранных языков и потому изначально смотрит на мир литературы сквозь призму того языка, который изучает. Выходя в широкое плавание по волнам истории литературы, «зарубежник» проще получает доступ к литературоведческой классике на иностранных языках, которой еще, возможно, только предстоит быть переведённой на другие языки.

И в результате, читая исследование современного украинского учёного-литературоведа, мы должны как бы держать в уме, что, во-первых, этот учёный – скорее всего выпускник советской школы и советского университета, во-вторых, формировавшийся как исследователь уже во време-

на независимого государства Украина. Эти обстоятельства, не имеющие никакого отношения в тексте исследования в любой другой стране, в нашем случае оказывают значительное влияние как на создание текста, так и на его рецепцию. Есть ли между этими двумя факторами противоречие? Несомненно, есть

Начнём с простой арифметики. Из 417 позиций в Списке использованной литературы 245, то есть, практически 60 % – исследования, опубликованные на иностранных языках, латиницей. Из оставшихся 172 на территории Украины украинскими учёными издано 66 позиций в списке Евгении Черноковой, то есть – 38 %. В целом же получается, что сугубо национальных источников, на которые опирается наш исследователь – всего лишь 15 %. В этом списке надо отметить 24 работы самого автора и 5 трудов Л.И.Скуратовской, которой посвящено исследование. 37 не заангажированных никак отечественных позиций в перечне из 417 источников. 9 процентов.

Много это или мало? Это показатель вклада современной украинской науки или уровень осведомленности в ней нашего автора?

Наше внимание привлекло характерное в этом плане использование Евгенией Черноковой термина «отечественный»: «отечественный или русский читатель», «отечественный и русский научный дискурс» и тому подобное. В украинском литературоведческом дискурсе последних двадцати лет действительно существует некая путаница, вызванная тем, что многие имена (как писателей, так и исследователей их творчества) существуют в контексте как советской, так и постсоветской эпохи. Кого в таком случае украинскому исследователю считать соотечественником, а кого нет?

Анализируя английскую лирику начала XX века, автор монографии то и дело обращается к опыту соотносимой по жанру, времени и наполненности русской поэзии, упоминая имена Мандельштама, Пастернака, Цветаевой, Ахматовой, а затем – Бродского. Однако ни одного практически упоминания украинских поэтов-модернистов обнаружить не удалось: ни Вороного, ни Хвильевого, ни Тычины, ни Рыльского, ни Шкурупия...

Не хочется выглядеть украинским националистом, да и претензии мои происходят скорее от желания еще раз отметить одну из ведущих ролей русской литературы в мировом литературном процессе, тем не менее хочу предостеречь исследователя: от национального контекста уйти не удастся. И если литературовед пишет монографию на украинском языке, издает ее в украинском издательстве, то рано или поздно он обязательно услышит претензию по поводу того, что, коль скоро всё познаётся в сравнении и всё равно компаративный аспект проявлен, то почему нет аспекта сравнения, лежащего на поверхности.

По мнению некоторых лингвистов и философов язык, на котором говорит человек, определяет его образ мысли. Способ мышления Евгении Черноковой в целом представляется нам весьма продуктивным. Остается пожелать большей широты в выборе выразительных средств.